

ПОТАПОВА О. В.

**«ВАНЕЧКА» Е. ЧЕТВЕРГОВА КАК РОМАН ВОСПИТАНИЯ:
СПЕЦИФИКА СЮЖЕТНОЙ МОДЕЛИ**

Аннотация. В статье рассматривается роман Е. Четвергова «Ванечка» в контексте традиций романа воспитания. Делается вывод о том, что в произведении трансформируются жанровые категории воспитательного романа. Данный факт обусловлен писательским замыслом и спецификой сюжетного построения исследуемого текста.

Ключевые слова: роман воспитания, Е. Четвергов, образ, личность, сюжет.

POTAPOVA O. V.

**"VANECHKA" BY E. CHETVERGOV AS A NOVEL OF EDUCATION:
SPECIFICITY OF THE PLOT MODEL**

Abstract. The article considers the novel "Vanechka" by E. Chetvergov in the context of traditions of the novel of education. A conclusion is made that the genre categories of the education novel are transformed in the novel due to the writer's intention and specificity of the plot construction of the literary text.

Keywords: novel of education, E. Chetvergov, image, personality, plot.

Современная мордовская литература представлена практически всеми жанрами и жанровыми формами. Она функционирует как динамичная художественная система, отображающая многообразие связей человека с миром, вопросы корреляции социального и природного начала, проблемы нравственно-этического плана; осмысливающая глубокие философские категории, онтологические, экзистенциальные параметры. Ее развитие обусловлено как «имманентными, так и внешними, внелитературными, факторами» [3, с. 93]. Именно внешние – «исторические, политические, культурные, национальные, социальные факты, события, обстоятельства, определенным образом влияющие на сознание социума в целом и индивидуума в частности» [3, с. 94], а также эстетические искания писателя старшего поколения Е. Четвергова (Нуянь Видяза) привели к освоению жанровой формы романа воспитания. Следует сказать, что проблема формирования характера традиционно варьировалась мордовскими авторами, однако она не рассматривалась в аспекте взаимосвязи характера и методов воспитания в семье, основное внимание акцентировалось на роли общества в становлении духовного потенциала личности, в связи с чем творческие манифестации Е. Четвергова следует считать самобытным опытом эпической рецепции мира и человека.

Сформированные в эпоху Просвещения в западноевропейской литературе жанровые каноны романа воспитания находят реализацию в творчестве Гёте, Дж. Диккенса, У. Теккерея; на вопросах изменения личности, ее врожденных и приобретенных качеств, на факторах, детерминирующих развитие, становление характера, сфокусировано внимание русских писателей Л. Толстого («Детство. Отрочество. Юность»), С. Аксакова («Семейная хроника»), А. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты»), И. Бунина («Жизнь Арсеньева») и др. Произведения данных авторов объединены магистральной осью – «идеей становления личности, пути эволюции, носящей типический повторяющийся характер. <...> Ключевым признаком сюжета в них является воспитательный процесс. Возникающий между героем и действительностью конфликт является движущей силой развития сюжета» [2]. В творческой рефлексии Е. Четвергова классические категории воспитательного романа претерпевают трансформацию, в частности, автор воссоздает характер не эволюционирующий, а деградирующий, изображает процесс не обогащения нравственного содержания персонажа, а его морального оскудения, таким образом, на наш взгляд, развивает один из многочисленных аспектов романного мышления – «проблему человека» (Н. Т. Рымарь) – в условиях общественно-политической жизни рубежа XX–XXI столетий.

Роман воспитания как оригинальная жанровая форма в аспекте содержательного и структурного построения, изображения эволюции сознания героя, использования поэтических средств образности привлекает внимание многих зарубежных и отечественных ученых. В мордовском литературоведении проблемы жанровой идентификации, тематической структуры, сюжетной модели романа воспитания оказываются на периферии исследовательского внимания, что обуславливает необходимость осмысления данного круга вопросов и научную значимость настоящей статьи, восполняющей пробел в национальной науке о литературе.

Роман Е. Четвергова «Ванечка» [1] – новаторское произведение в аспекте формы, проблематики, конфликта, структурирования персонажной сферы, выбора арсенала поэтических средств выразительности. Следуя канонам романа воспитания, романист использует принцип последовательного изложения истории героя. Правомерно говорить об однонаправленности времени, редко прерываемого ретроспективными вставками. Автор не перемещает своего персонажа из привычного ему пространства деревни, за исключением армии – места, где «локализованы» иная система нравственных понятий и ценностей, психологических испытаний.

Как и в классических образцах воспитательного романа автор «Ванечки» использует ситуации выбора, решающие ситуации, «поворотные» моменты, встречи с окружающими людьми, однако все они направлены на раскрытие процесса не обогащения внутреннего

мира мужчины, а его моральной деградации. Справедливо говорить о том, что воспроизведенные посредством монтажа эпизоды из жизни Ванечки фокусируют внимание читателя не только на определенных сторонах его характера, но и на психологическом состоянии, интенциях его матери Кули, пожертвовавшей женским счастьем, работой ради единственного сына. Женщина становится нравственным антиподом сына, однако внешнего конфликта между ними автор не изображает, справедливо говорить о межличностном конфликте на уровне мировоззрения, образа жизни, нравственного потенциала персонажей.

Описание «детских» сцен, поведения Ванечки дома, в школе близко лавгиновским картинам. Как и родители персонажа В. Коломасова, Куля оберегает сына от любого внешнего воздействия, с этой целью она оставляет любимую работу и устраивается уборщицей в школу – «поближе к ребенку», не поручает ему никаких дел, постоянно беспокоится о его самочувствии. Как Настя ленивцу-Лавгинову, так и она каждое утро печет блины, пить дает лишь теплое молоко. Однако вместо благодарности получает опрокинутую тарелку с блинами, разлитое молоко, упреки, осуждение. Все эти проявления характера маленького Ванечки позволяют утверждать, что он «не наследует этическое мировосприятие матери, его сознание оторвано от нравственной ориентации. Духовная связь матери и сына не сложилась, что привело к трагедии внутриличностной и общественной [4, с. 244].

Слабохарактерность матери в отношении ребенка приводит к тому, что Ванечка становится избалованным эгоистом, для которого мать не является авторитетом и объектом уважения. Доказателен эпизод в магазине, когда на отказ купить самую дорогую игрушку мальчик в истерике бросается на пол, бьется руками и ногами. Данная картина, по утверждению С. В. Шеяновой, «наводит на читателя гамму сложных и противоречивых чувств: с одной стороны, искренняя жалость к женщине, с другой – желание осудить ее за «слабость», беспомощность перед эгоистичным ребенком, у которого она не пользуется ни любовью, ни родительским авторитетом» [5, с. 344].

Следует говорить о том, что автор не порицает свою героиню за те методы воспитания, на которые она опирается. Куля дорога ему своими делами, помыслами, действиями, поступками, глубоко нравственным поведением, душевной теплотой и богатством. Трагическая судьба, вдовья доля не сломили ее, потому что она обладает нестигаемой волей, внутренней силой. Повествователь выбирает роль незаинтересованного зрителя, что отражается в содержательной структуре романа, лишённого морализаторства, дидактических рекомендаций. Однако ряд изображенных методов «воспитания» предостерегают родителей от подобных педагогических приемов.

Следующий яркий факт моральной деградации Ванечки – образ жизни после службы в армии. Согласно народной мудрости, человек должен построить дом, вырастить сына, посадить

дерево. Однако молодой человек не смог реализовать ни в одном из направлений, ему не удалось «самосмоделироваться», сформировать «личностную систему», наметить путь индивидуальной реализации общезначимых ценностей» [5, с. 347]. Он предпринимает неуверенные попытки жить по принятым в обществе законам и этическим канонам (никогда не знавший тяжесть напряженного трудового дня устраивается в колхоз трактористом), однако все его усилия завершаются нравственным падением (в пьяном состоянии утопил в реку трактор, за который пришлось расплачиваться матери). Ванечка не смог реализовать как муж и отец. Некогда любимая им женщина первой подает ему руку и предлагает создать семью. Автор реалистично изображает психологическое состояние мужчины, вынужденного несколько дней не употреблять спиртное. Он не ценит отношение Наты, ее желание угодить ему, создать уют и комфорт, человеческие отношения чужды ему, в нем зарождается инстинкт дикого зверя, преследующего долгожданную добычу. Ванечка не борется с этим чувством, наоборот, развивает его своими рассуждениями. Через четыре дня он уходит от Наты, испытывая стыд от своей мужской неполноценности и желание выпить.

Смерть матери остро отозвалась в душе Ванечки, он переживает потрясение, испытывает отчаяние, о чем свидетельствует его внутренний монолог, переполненный вопросительными фразами: «Все. Больше никогда не увижу полные печали голубые глаза матери, отогревающую душу ее улыбку, отливающие сединой светлые глаза. Она часто ругалась и сердилась за постоянное пьянство. Это надоедало! Правда. Была ругань, скандалы, наставления, поучения, но в доме всегда было тепло, уютно, было, что поесть. Как быть теперь? По какому порядку жить? Убирать, стирать, печь-варить, мыть... Все надо делать самому, своими руками, своим умом. Осилю ли все это?» [1, с. 182] (Перевод здесь и далее подстрочный наш. – *О. П.*).

На первый взгляд может показаться, что Ванечка способен переосмыслить свои поступки, перейти на другую жизненную дорогу, однако чувство растерянности и безысходности оказалось кратковременным, даже трагедия не меняет его образа жизни и мыслей. Пережив минуты раскаяния, он впадает в привычное состояние жажды выпивки, пьяного сна, бессмысленного существования. Процесс моральной деградации, нравственного обнищания лишь усиливается, о чем свидетельствует представленная в ироничной форме картина разорения Кулиного дома: «Прошло три месяца со дня смерти Кули. Все, что она смогла накопить-собрать за всю жизнь, сын распродал за «граммы» в течение месяца... «Растаяла», словно снег весной, куча шифера под окнами дома, будто своими ногами куда-то «ушли» две новые фляги, доски для пола, вилы, лопаты, косы... Даже двухведерные потемневшие от сажи чугуны бросились бежать!» [1, с. 191]. Данные факты усиливают

драматизм положения Ванечки, раскрывают низменность его помыслов, аморальность поведения, лишают надежды на нравственное возрождение персонажа.

Трагический финиш жизненного пути Ванечки представлен автором в виде пожара. На наш взгляд, Е. Четвергов намеренно выбирает для своего героя такую страшную, неестественную смерть. В мифологии эрзян и мокшан огонь наделяется гуманистическими свойствами, осмысливается символом очищения и исцеления. Таким образом автор дает возможность Ванечке очиститься от порока, исцелиться от пагубной привычки. Иного пути для достижения этого он не видит.

Е. Четвергов не только анализирует поступки, поведение, мотивы своего персонажа, но и оценивает роль семьи, общества в процессе его нравственного падения. Такой подход позволил ему осмыслить сложную взаимосвязь социального и индивидуального, воссоздать противостояние низменного и идеального, позитивного и негативного, что усиливает внутреннюю напряженность нарратива, углубляет философский контекст произведения. Автор размышляет над общественно-нравственными проблемами, приглашает к обсуждению своего читателя, которого не может оставить равнодушной судьба «необразцового, неположительного» героя.

Безусловно, «Ванечка» – образец творческого экспериментаторства Е. Четвергова, в котором ярко проявляется индивидуальный стиль прозаика, его особое внимание к нравственно-этической проблематике. Произведение соответствует жанровым канонам романа воспитания, о чем свидетельствуют актуализированные вопросы методов воспитания в семье, проблемы сложных взаимоотношений между человеком и обществом в процессе становления его характера, одновременно автор выбирает категории, не свойственные воспитательному роману – проблема морального разложения человека, вместо героя эволюционирующего – деградирующий, что определило сюжетную канву «Ванечки». Данные отступления от норм романа воспитания следует оценивать как трансформацию художественной традиции, приводящую к новаторской модификации романа воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Четвергов Е. Ванине : роман на морд.-эрзя яз. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. – 204 с.
2. Шааев Ш. Р. Черты романа воспитания в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» [Электронный ресурс] // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/cherty-romana-vospitaniya-v-romane-dzhona-faulza-zhenschina-frantsuzskogo-leytenanta>.

3. Шеянова С. В. К проблеме периодизации истории мордовской литературы [Электронный ресурс] // Вестник угроведения. – 2017. – № 2 (29). – С. 93–99. – Режим доступа: <https://ouipii.ru/content/к-проблеме-периодизации-истории-мордовской-литературы>.
4. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика : монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.
5. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2014. – 446 с.